

Т. Б. АЛИСОВА

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МОДУСА И ДИКТУМА

Отношения дополнительности существуют между любыми элементами высказывания, характеристики которых взаимно обусловлены. Так, субъект не существует без предиката, а валентные свойства глагольной лексемы — без соответствующих обязательных позиций именных членов — подлежащего, прямого дополнения, косвенного дополнения, дополнения агента, обстоятельства места.

Комбинации именных актантов, связанных дополнительными отношениями со сказуемым (авалентные, одновалентные, двухвалентные, трехвалентные предикаты), отражают — хотя и неоднозначно — семантическую ситуацию, т. е. смысловую структуру денотата. Двучленная субъектно-предикатная модель предложения соответствует его коммуникативному субстрату, где тема и рема взаимно обусловлены.

Существует, однако, еще один вид дополнительности, который, хотя и входит в понятие предикативности, «не затрагивает передаваемых предикатом субъектно-объектных связей»¹. Это — так называемая категория модальности, определяемая как «отношение говорящего к той связи, которую он устанавливает... между данным признаком и данным предметом»².

Таким образом, предикативная природа всякого высказывания состоит из двух ярусов — первый содержит субъектно-предикатные отношения денотата (диктум), второй — отношение говорящего к этим отношениям (модус)³.

Модальность возникает только в коммуникации; однако, в отличие от чисто коммуникативных категорий «темы» и «ремы», модальные отношения семантически значимы и могут быть описаны в виде ряда простейших модальных смыслов. Действительно, говорящий представляет собой субстанцию, выступающую в высказывании как эксплицитный или имплицитный семантический субъект, а его отношение к диктуму можно рассматривать как эксплицитный или имплицитный семантический предикат.

Основным признаком говорящего является, естественно, акт говорения.

Этот признак является активным, т. е. предполагающим определенную цель, и относительным, так как связывает два предметных актанта — говорящего и собеседника. Как относительный активный признак «говорение» входит в группу каузативов и в зависимости от целевой установки может представлять собой каузацию знания («сообщать — заставлять знать»), каузацию ответного акта говорения («спрашивать — заставлять говорить») и каузацию конкретного действия («приказывать — заставлять делать»).

На основании различия цели говорения выделяются обычно три формальных типа предложения: повествовательные, вопросительные и побудительные.

¹ И. И. Мещанинов, Глагол, М.—Л., 1948, стр. 75.

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1936, стр. 105.

³ См.: Ш. Б. Алли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, стр. 44.

Неактивным признаком, всегда сопровождающим речевой акт, является оценка говорящим лицом субъектно-предикатной связи диктума. Эта связь может оцениваться как известная и не вызывающая сомнений, как неизвестная, предположительная, условно-гипотетическая или желательная. Отношения субъективной оценки часто отождествляются со значениями глагольных наклонений — индикатива, конъюнктива, кондиционала и императива ⁴.

Таким образом, в грамматиках различных языков формы коммуникативной модальности (сообщение, вопрос, побуждение), передающие отношения между содержанием высказывания и двумя участниками коммуникации, часто рассматриваются в разделе синтаксиса простого предложения, а формы субъективно-оценочной модальности и их значения описываются как морфологические категории глагола в разделе о частях речи ⁵.

Отсюда возникает известный произвол в установлении количества типов предложений и количества глагольных наклонений. Так, в грамматике итальянского языка Б. Мильорини ⁶ насчитывается шесть типов предложений — повествовательные, побудительные, вопросительные, восклицательные, гипотетические (условные) и назывные, а в грамматике С. Батталья и В. Перниконе ⁷ только три — повествовательные, вопросительные, восклицательные. В. В. Виноградов в своей книге «Русский язык» говорит о четырех наклонениях — изъявительном, повелительном, волюнтаривном и условно-желательном (гипотетическом), тогда как А. А. Шахматов, учитывая аналитические формы, обнаруживает в русском языке восемь наклонений: изъявительное, сослагательное, повелительное, желательное, условное, недействительное, предположительное и потенциальное.

Отсутствие единства терминологии и единообразия выделяемых единиц в этой области грамматики объясняется свойствами самого объекта исследования, а именно неотделимостью категорий глагола от категорий предложения. Модальная характеристика высказывания отражается прежде всего на строении сказуемого. Поэтому, если форма императива отождествляется с побудительным типом предложения, вполне логично выделить, как это делает Мильорини, также и условный (гипотетический) тип предложения, исходя из соответствующего глагольного наклонения.

В свою очередь, наклонение глагола не всегда представлено в виде словоизменятельного аффикса и зачастую передается аналитически («синтаксически») путем сочетания глагольной словоформы с грамматизованными модальными словами (*пусть, хоть бы, разве*), модальными частицами (*бы, ли*), или служебными модальными глаголами (*мочь, долженствовать*). Поскольку морфологический показатель наклонения глагола подчас трудно отличить от аналитических форм модальности ⁸ (например, русские частицы *бы, ли*), в число наклонений могут быть включены также и аналитические единицы, например, вопросительное наклонение в английском языке, выраженное сочетанием служебного глагола *to do* с инфинитивом.

⁴ Помещение императива в один ряд с конъюнктивом и кондиционалом неправомерно, так как он содержит активный компонент каузации действия, отсутствующий у двух других наклонений.

⁵ См.: В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 581: «Категория наклонения отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом. Она выражает оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи. Таким образом, категория наклонения — это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия».

⁶ B. Migliorini, La lingua nazionale, Firenze, 1943, стр. 327—331.

⁷ S. Battaglia, V. Pernicone, La grammatica italiana, Torino, 1960, стр. 511—513.

⁸ И. И. Мещанинов, указ. соч., стр. 80.

Некоторые исследователи называют аналитические формы синтаксическими наклонениями⁹, чтобы отличить их от синтетических форм.

Однако, учитывая тот факт, что модальность, как категория предикативная, составляет основу формальной и смысловой характеристики предложения, более последовательной интерпретацией термина «синтаксическое наклонение» является его соотнесение с понятием особой единицы синтаксического уровня¹⁰, форма которой складывается из взаимодействия формы морфологического наклонения и других грамматизованных элементов структурной схемы предложения (включая интонацию, если она выполняет грамматическую функцию, как, например, в вопросительных предложениях).

Морфологические наклонения выступают, таким образом, как часть формы синтаксического наклонения, в составе которого они получают дифференцированные значения (например, в сочетании с модальным показателем *пусть* индикатив передает значение «пожелания»).

Синтаксические наклонения, в отличие от морфологических, менее многозначны, но в то же время могут иметь несколько формальных вариантов, передающих различные оттенки общего модального смысла. Понятие «синтаксического наклонения», т. е. формы предложения, несущей модальную нагрузку, очевидно, совпадает с понятием «типа предложения», выделяемого по модальному признаку.

Как большинство единиц синтаксического уровня, синтаксические наклонения, по-видимому, сходны во всех европейских языках, хотя конкретные формы выражения этих наклонений в разных языках могут быть различными. Например, «пожелательное наклонение» (оптатив) в русском языке передается главным образом тремя формами: *пусть он придет, чтоб тебе провалиться, будь проклят тот день*; в итальянском языке также существует три варианта: *che venga; possa lui venire; sia maledetto quel giorno*, но ни один из них не имеет точных формальных аналогов в русском языке.

Одно и то же денотативное содержание, например, *мальчик + спать* может получать различные модальные характеристики, выраженные в формах различных синтаксических наклонений: *мальчик спит, спи, мальчик, мальчик спит? спит ли мальчик?, пусть мальчик спит, мальчик может спать, если бы мальчик спал!* и т. п.

Возникает вопрос, являются ли все эти формы членами парадигмы модальных преобразований одного предложения (которое, как полагает Н. Ю. Шведова, «существует не в одном каком-то единственном и неизменном виде, а в совершенно определенной совокупности регулярно обнаруживающихся выявлений»¹¹) или представляют собой разные типы предложений.

Казалось бы, неизменность денотата при изменении грамматически выраженного модального отношения должна служить веским доказательством в пользу первого решения, тем более, что две другие предикативные категории — лица и времени — образуют парадигматические ряды в пределах одной и той же модели предложения: *я сплю, ты спишь, он спит; я сплю, я спал, я буду спать* и т. п. Вместе с тем, сопоставляя парадигмы лиц и времен с приблизительным перечнем синтаксических наклонений¹², не-

⁹ См.: А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., 1941, стр. 481.

¹⁰ См.: Н. Ю. Шведова, Парадигматика простого предложения в современном русском языке, в кн. «Русский язык. Грамматические исследования», М., 1967, стр. 8—12.

¹¹ Н. Ю. Шведова, указ. соч., стр. 10.

¹² Количество синтаксических наклонений не может пока считаться установленным.

трудно убедиться в том, что формы наклонений, во всяком случае некоторые из них, не образуют парадигматического ряда, так как складываются из разных несопоставимых синтаксических позиций (ср. *ты приходишь — приходи; ты приходишь — если бы ты пришел, то...*¹³) и, следовательно, соотносятся разным структурным типам (моделям) предложений.

Различие типов предложений зависит, как мы видели, также от состава именных актантов и характера отношений между ними. В качестве дифференцирующих показателей при семантико-формальной классификации предложений (предикатов) учитываются как формальные признаки количества именных позиций (предикаты одноместные, двухместные и т. п.), так и категориальные семантические составляющие членов предложения, например, одушевленность — неодушевленность, предметность — непредметность именных членов, абсолютность — относительность, активность — неактивность глагольного члена.

При выделении типов предложений по их модальным признакам количество именных позиций, их оформление и классемы членов предложения не существенны, так как модальное содержание не зависит от денотата (субъекта и предиката высказывания).

Формальными показателями различий между синтаксическими наклонениями являются разнообразные грамматические элементы предложения, несущие модальную нагрузку. Содержательными дифференциальными признаками различий между формами наклонений (модальными типами предложений) будут, однако, не общие значения этих форм, так как значение любой формальной языковой единицы — будь то слово или предложение — неустойчиво, а более элементарные модальные смыслы, из которых складываются значения наклонений.

К этим элементарным смысловым составляющим принадлежит прежде всего дифференциальный признак активности (каузативности) — неактивности, свойственный не только модальным отношениям. По этому признаку различаются формы коммуникативной модальности (императив, вопросительное наклонение, повествовательное наклонение) от форм субъективно-оценочной модальности (синтаксический индикатив, кондиционал, оптатив, предположительное наклонение и т. п.).

Простейшие смыслы субъективно-оценочной модальности, издавна известные логикам и грамматистам, сводятся к трем: оценка факта как реального, оценка факта как желательного и оценка факта как предположительного¹⁴.

Синтаксическое изъявительное наклонение (индикатив) «служит для простого констатирования утверждения или отрицания действия в настоящем, прошедшем и будущем»¹⁵ — определение, данное В. В. Виноградовым морфологическому изъявительному наклонению, но приложимое только к синтаксическому индикативу. В отличие от морфологического индикатива, который может выступать в составе разных синтаксических наклонений и представляет собой «нулевую», не отмеченную определенным модальным значением форму, синтаксический индикатив имеет содержательную модальную характеристику: уверенное знание об отсутствии или наличии связи между субъектом и предикатом и об определенной временной

¹³ При императиве позиция подлежащего факультативна и сближается с позицией обращения; потенциальное наклонение в отличие от индикатива или императива предполагает зависимую позицию предложения в составе более сложной синтаксической единицы.

¹⁴ См.: В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 582.

¹⁵ Там же, стр. 587.

локализации этой связи по отношению к моменту речи¹⁶. Формой выражения синтаксического индикатива является во всех языках форма морфологического индикатива, способная изменяться по полной парадигме глагольных времен, и повествовательная (или восклицательная) интонация. Синтаксический опатив — *utinam illum diem videam!* (Cic. At. 3, 3), итал. *possa io vedere quel giorno*, русск. *пусть я увижу тот день* — складывается из смыслов предположительности и желательности. Синтаксический кондиционал содержит примерно те же модальные компоненты, но соотносительные с условно-следственным (семантически сложным) денотатом, и т. п.

Наклонения субъективной оценки не включают каузативного компонента «воздействия» на собеседника. Напротив, коммуникативные наклонения, помимо смысла «каузативности», обязательно содержат оценочные смыслы «знания», «незнания», «желательности», «предположительности», так как именно эти смыслы являются собственно модальными. Так, синтаксическое повелительное наклонение (= побудительный тип предложения) к компоненту каузации действия присоединяет модальный смысл желательности.

Синтаксическое вопросительное наклонение состоит из сложной комбинации «незнания, желания узнать и каузации речевого акта собеседника».

Синтаксическое «повествовательное» наклонение нецелесообразно отождествлять с синтаксическим индикативом, потому что оно противопоставлено вопросительному и побудительному только по различительному признаку цели говорения и представляет собой наклонение «сообщения»¹⁷ (каузации знания у собеседника). Связь с собеседником, обязательная и отмеченная самой формой в прямом вопросе или побуждении, в повествовательном высказывании не обязательна, так что его каузативное содержание «воздействия на адресата сообщения» зависит целиком от речевой ситуации. Повествовательное наклонение может передавать любое модальное отношение, за исключением прямого вопроса и прямого побуждения. В соответствии со смысловой «неотмеченностью» этого коммуникативного типа предложения находится и его форма, не имеющая никаких грамматических примет, кроме отрицательных (не вопросительная и не побудительная форма).

Что касается «восклицательного наклонения» (или восклицательного типа предложения) сейчас уже может считаться доказанным, что оно не существует как самостоятельная синтаксическая единица, так как восклицательная интонация может быть подключена к любому типу предложения. Кроме того, содержательная сторона восклицания сводится к чистому аффекту, не имеющему прямого отношения к оценке субъектно-предикатной связи денотата.

Все перечисленные выше модальные смыслы и их комбинации дополняют собственно-денотативное содержание высказывания и передаются синтаксическими наклонениями грамматически. Это значит, что субъект — носитель модальной оценки вообще никак не представлен в составе предложения, а его признаки — модальные отношения — сообщение, вопрос, приказ, знание, предположение, воля — сопровождают предикат в виде разнообразных уточнителей, не имеющих самостоятельной синтаксической позиции «члена предложения». Даже в том случае, когда показателем синтаксического наклонения является модальное слово типа *разве, пусть, неужели*, способное выступать как отдельная интонационная единица, оно

¹⁶ Ср. определение Н. Ю. Шведовой синтаксического изъявительного наклонения как наклонения временной определенности (указ. соч., стр. 112).

¹⁷ См.: А. М. Пешковск и й, указ. соч., стр. 356.

не может быть ни дополнением, ни определением, ни обстоятельством, т. е. ничем другим кроме грамматического модального показателя¹⁸.

Известно, однако, что все европейские языки располагают возможностью передавать отношение говорящего к денотату самостоятельной глагольной лексемой, имеющей собственный субъект — подлежащее и управляющей дополнительным придаточным или инфинитивным оборотом.

Подклассы глаголов, обозначающих психические проявления лица, хорошо известны со времен античных грамматик и регулярно перечисляются в любой грамматике современных языков в разделе, посвященном дополнительным придаточным предложениям. Однако лишь приверженность к издавна установленным канонам, предписывающим раздельный анализ простого и сложного предложения, независимо от их семантической структуры, помешала (и до сих пор мешает) лингвистам признать тот факт, что конструкция глаголов *dicendi, putandi, affectuum, voluntatis* с дополнительным придаточным представляет собой одну из форм выражения модальных отношений, точнее, наиболее расчлененную и семантически прозрачную их форму. Необходимость включения этой синтаксической конструкции в ряд форм предложения, несущих модальную нагрузку, достаточно убедительно была доказана Ш. Балли в статье, специально посвященной проблеме эксплицитной модальности¹⁹. Эта работа, по непонятным причинам не получившая должного резонанса в лингвистической литературе, содержит следующие существенные наблюдения:

1. Модальность неотделима от высказывания и характеризуется многообразием форм выражения. Эксплицитной формой модальности являются предложения с придаточным дополнительным, где субъект — говорящий и его отношение (оценка, суждение), т. е. модус, и понятие о предмете речи и его свойстве, т. е. диктум, выражены отдельными лексемами, а связь между ними представлена как обязательная. Всякий глагол, управляющий придаточным дополнительным и не способный иметь в позиции дополнения конкретных существительных, является модальным. Модальные глаголы, сочетающиеся с конкретным дополнением, сохраняют свой модальный характер, если глагол диктума имплицитно содержится в высказывании и может быть свободно восстановлен (например, *Я хочу чаю — Я хочу выпить чаю*). Если без нарушения смысла фразы «диктальный» глагол восстановить не удастся, глаголы *dicendi, putandi* и т. д. в сочетании с существительными не являются модальными, как, например, *Я думаю о моей матери, Ты знаешь эту сказку?, Скажи это слово*, где глаголы *думать, знать, говорить* не выражают никакого модального отношения.

2. Дополнительное придаточное, зависимое от модальных глаголов, может быть преобразовано в инфинитив, представляющий диктум в более сжатой форме. Однако не все глаголы, управляющие инфинитивом, модальны. С инфинитивом сочетается также целый ряд лексем, обозначающих а) чисто видовые оттенки (*начинать, кончать*) и б) модально-видовые оттенки, связанные со степенью участия психической или физической энергии деятеля в осуществлении собственного действия (*удаваться, пытаться, стараться, мочь, уметь*).

Смысловая и формальная граница между модально-видовыми и чисто модальными глаголами не устойчива, и можно найти немало примеров промежуточных конструкций, особенно с глаголами, обозначающими внимание, старание, стремление. Однако отличительным семантическим признаком чисто модальных глаголов является то, что они способны обозначать

¹⁸ А. М. Пешковский (указ. соч., стр. 372) замечает, что подобные модальные слова, обладая питоационными признаками самостоятельного слова, выражают «только отношение к мысли, а не саму мысль», т. е. лишены лексического значения.

¹⁹ Ch. Bally, Syntaxe de la modalité explicite, CFS, 2, 1942.

в равной мере как отношение лица-субъекта к собственному действию (состоянию), так и к действию (состоянию) другого лица или предмета. Формальным отличительным признаком модальных глаголов является, соответственно, их сочетаемость как с инфинитивом, так и с дополнительным придаточным предложением в отличие от модально-видовых глаголов, которые с придаточным дополнительным не сочетаются²⁰.

3. Сочетания глаголов *долженствовать* и *мочь* с инфинитивом, а глагола *казаться* с прилагательным или причастием, определяются как форма модальности, занимающая среднее положение между эксплицитной синтаксической конструкцией «модальный глагол + дополнительное придаточное» и синтаксическим наклонением. Сами глаголы *долженствовать*, *мочь* и *казаться* рассматриваются как лексические эквиваленты пассивных форм модальных глаголов приказа, допущения или предположения и определяются как модальные полуслужебные. Глагол *мочь* в значении «иметь силы» относится не к модальным, а к модально-видовым лексемам.

4. Глаголы аффекта также имеют двойственную природу: обозначая эмоциональную реакцию лица, вызванную какой-либо причиной, они не являются модальными (*Я боюсь грома*); обозначая оценку факта как желательного или предположительного (в широком смысле), они представляют собой предикат модуса (*Я боюсь, что гром меня убьет*).

В «Общей лингвистике» и более подробно в изложенной выше статье Ш. Балли рассматривает конструкцию эксплицитной модальности как сложное предложение, позволяющее передать отношение говорящего к денотату лексически, при помощи полнозначных глаголов *dicendi*, *putandi*, *affectuum*, *voluntatis*²¹, которые вслед за Балли мы также будем называть модальными.

Следует, однако, подчеркнуть, что эта конструкция является сложным предложением лишь формально, так как представляет в аналитической (эксплицитной) форме те же отношения обязательной взаимной дополнителности, которые связывают модальные смыслы с денотатом в синтаксических наклонениях.

Кроме того, конструкцию эксплицитной модальности нельзя рассматривать просто как синтаксический фон, благоприятный для лексической передачи модального смысла. Самая модель «*Vt* + дополнительное придаточное» является синтаксической формой, имеющей значение «модального отношения вообще». Содержательная сторона этого отношения уточняется и дифференцируется как лексическим наполнением сказуемого модуса, так и формами наклонений диктума (ср. *Я знаю, что он придет*, *Я хочу, чтобы он пришел*, *Я не знаю, придет ли он*). Таким образом, конструкция «*Vt* + + дополнительное придаточное» специально предназначена для выражения модального отношения, которое здесь представлено «линейно» в виде сочетания двух предикатов — управляющего модального и управляемого диктального.

Конструкция эксплицитной модальности имеет также свою чисто формальную специфику, отличающую ее от внешне сходных сочетаний переходных глаголов с дополнением, выраженным конкретным существительным. Дело в том, что позиция сказуемого, управляющего дополнительным придаточным, может быть замещена только модальным глаголом, а позиция дополнения-диктума не идентична позиции дополнения, выражен-

²⁰ Интересное исключение в этом отношении представляет собой румынский язык, где даже чисто «видовые» глаголы типа *продолжать* могут вводить придаточное дополнительное (со сказуемым в конъюнктиве). См.: Р. А. Б у д а г о в, Этюды по синтаксису румынского языка, М., 1958, стр. 111.

²¹ Глаголы восприятия в своих первичных значениях — «слышать», «видеть» не выражают модальных отношений.

ного существительным²². Это очевидно прежде всего из самого различия лексического наполнения этих позиций: первичной формой выражения зависимого диктума является придаточное предложение, тогда как существительное в этой позиции является результатом преобразования: *Я не уверен, что он придет — Я не уверен в его приходе*.

Если форма существительного или инфинитива оказывается первичной или единственно возможной в позиции дополнения, модальное содержание отношений утрачивается и модальный глагол переосмысливается. Утрата глаголом «направленности» на диктум (диктальной валентности) и исключение позиции дополнительного придаточного происходит в том случае, если подчеркивается содержательная, а не относительная сторона признака, выраженного глаголом, и открывается «место» для обстоятельств образа действия, как, например, во фразе Флобера²³: *«Il répondit médiocrement aux pointes, calembours, mots à double entente»* (Bov. 45) — *«Rispose maluccio alle punzecchiature, alle freddure, ai doppi sensi»* (Bov. 35) — «на все шутки, каламбуры, двусмысленности... он отвечал довольно плохо» (Флоб. 39).

Перенос смыслового акцента на сам процесс протекания психической деятельности, подчеркнутый его качественными или количественными характеристиками, обуславливает не только устранение «диктальной» валентности у глагольной лексемы, но и замену самой лексемы ее немодальным синонимом, обозначающим тот же психический признак лица. Так, глагол «говорить» в романских языках — *dicere* (*dire* во французском и итальянском), обозначая сам процесс говорения и его содержание, оканчивается синонимом немодального глагола *parler* (*parlare*) — «говорить», — не сочетающегося с придаточным дополнительным: *«Entrarono a dire del danno che fece la guerra»* (San. 18)²⁴ — «Они начали говорить об ущербе, причиненном войной», наряду с: *«Gli parlò ancora di sua madre»* (Bov. 29) — «Она говорила ему о своей матери». Глагол *savoir* (*sapere*) в своем немодальном значении имеет синоним *connaître* (*conoscere*), который не употребляется в составе конструкции эксплицитной модальности: *«Mais elle connaissait trop la campagne; elle savait le bèlement des troupeaux...»* (Bov. 51). То же и в итальянском переводе: *«Ma la conosceva anche troppo bene, la campagna, lei: sapeva il belato dei greggi...»* (Bov. 40). У глагола «думать» (*penser*, *pensare*) наличие позиции косвенного дополнения, обозначающего предмет мысли, исключает позицию дополнения-диктума и делает невозможным интерпретацию глагола как модального: *Я думаю о моей матери — penso a mia madre*.

Различие позиций именных дополнений и дополнения-диктума не исключает возможности появления в позиции диктального дополнения существительного (абстрактного или конкретного) в качестве вторичной, преобразованной формы выражения данной синтаксической функции. Точно так же в специфически именной позиции может появиться придаточное предложение: *«Io cominciai a pensare a come potevo farlo»* (San. 153) — «Я начал думать о том, как это сделать»; *«E non hai pensato a ciò che è seguito per quel gesto»* (Viola Fine. p. 112, пример Херцера)²⁵ — «Ты не подумал

²² См.: Е. А. Реферовская, Синтаксис современного французского языка, Л., 1969, стр. 79, где указывается, что «дополнительное предложение не представляет собой „расширенного дополнения“ управляющего глагола, т. е. не равноценно члену главного предложения».

²³ G. Flaubert, Madame Bovary, Moscou, 1956 (итальянский перевод: Milano, 1965).

²⁴ «I Quaderni di San Gersolè», Torino, 1963.

²⁵ Дж. Херцег (G. Herzeg, Sintassi delle proposizioni subordinate nella lingua italiana, Budapest, 1959, стр. 268) рассматривает как «дополнительное» любое предложение, выполняющее синтаксическую функцию существительного.

о том, что последовало за этим жестом». Синтаксическая «равноценность» этого придаточного именной конструкции и его отличие от диктального дополнительного проявляется в возможности его субстантивации при помощи обобщенных предметных («указательных») местоимений или существительных (*то, что; тот факт, что...*), недопустимых при диктальном придаточном (*Я думаю то, что ты пришел*). Поэтому два на первый взгляд одинаковые предложения: *Я знаю, что ты болен* и *Я знаю, что ты думаешь* принадлежат к разным синтаксическим конструкциям: первая содержит модальный предикат и диктальное дополнение, вторая — немодальный предикат психического процесса и его именная конструкция, уточняющее содержание этого процесса (ср. перевод этих фраз на итальянский язык: *So che sei malato — So che cosa pensi*).

Различие именной позиции дополнения и позиции дополнения-диктума подчеркивается также двумя различными типами местоимений, способных замещать эти позиции. Первая допускает только «предметные» местоимения, изменяющиеся по числам и родам, или содержащие указательный (деиктический) компонент (*это, то, эти, те, он, она, они* и т. п.), тогда как вторая замещается только непредметным местоимением — «это», франц. *le*, итал. *lo*, исп. *lo*, лишенным форм словоизменения. Так, модальный глагол *знать* сочетается только с непредметным местоимением, а его немодальный аналог — только с предметными местоимениями. Ср. *lo so* и *lo conosco* — «Я это знаю» и «Я его знаю».

Конструкция эксплицитной модальности, описанная в статье Ш. Балли, имеет вид $N_1 Vt + что (чтобы)...$, где позицию модального предиката может занимать любой глагол, управляющий дополнением-диктумом. Однако модальные смыслы, как мы уже видели, не одинаковы. Остается выяснить, имеем ли мы право рассматривать все модальные глаголы как противопоставленные друг другу по значению в позиции модального предиката и как синтаксически эквивалентные.

Смысловые различия могут проявляться, как известно, в двух планах — синтагматическом и парадигматическом. В первом случае формы, связанные между собой в одном высказывании, как, например, подлежащее и сказуемое, сказуемое и дополнение и т. п. принадлежат к различным семантико-синтаксическим классам, но не могут быть противопоставлены друг другу, так как противопоставление всегда предполагает какую-либо общую основу. В области синтаксиса такой основой служит общность позиции относительно других элементов предложения. Два элемента, связанные отношениями подчинения и поэтому занимающие разные позиции, не могут рассматриваться как члены одного парадигматического ряда.

В свою очередь, синтаксически эквивалентные единицы, противопоставленные по смыслу, взаимозаменяемы, но не совместимы в одном предложении.

Если теперь с учетом этих критериев мы сравним две конструкции эксплицитной модальности, модальные предикаты которых выражают соответственно отношение говорения («сообщения») и отношение субъективной оценки, например, *Я говорю, что ты болен* и *Я знаю, что ты болен*, то мы обнаружим, что в первой фразе не замещено место субъективно-оценочного предиката, а во второй — место предиката говорения. Заполнение «пустых мест» даст нам трехъязысную конструкцию с двумя модусами: *Я говорю, что я знаю, что ты болен*. Таким образом, полная формула эксплицитной модальности будет иметь вид « $N_1 V dicendi + что V putandi (voluntatis) + что (чтобы)$ », где отношения между двумя модусами предстают как модально-диктальные, т. е. дополнительные.

Отсюда следует, что в конструкции эксплицитной модальности существует по меньшей мере две позиции модуса: позиция модуса говорения и

позиция модуса субъективной оценки, не исключающие, но дополняющие друг друга.

Модус говорения, передающий нейтральное отношение «сообщения» по существу не модален. Однако его способность сливаться с субъективно-оценочными смыслами (ср. *я говорю, что я знаю что...* = *я утверждаю, что; я говорю, что я хочу* = *я приказываю*), а также его грамматический признак «предиката, управляющего дополнительным придаточным», делают его синтаксическое место не идентичным, но аналогичным позиции предикатов субъективной оценки.

Формальным отличительным признаком модуса говорения или модуса, осложненного смыслом говорения, является обязательная синтаксическая связь с позицией адресата-собеседника, которая отсутствует у модальных предикатов, содержащих только субъективную оценку (*я тебе говорю что...*, но *я знаю, что, я приказываю тебе, чтобы...*, но *я хочу, чтобы...*).

Таким образом, смысловые различия между двумя типами модальных отношений — коммуникативным и субъективно-оценочным — обнаруживаются не только в формах синтаксических наклонений, но и в формах конструкции эксплицитной модальности.

Как мы видели, для передачи определенного модального содержания язык располагает двумя²⁶ возможностями: представить точный модальный смысл грамматически, самой формой предложения (*Иди!*) или выразить этот смысл лексически, в составе конструкции эксплицитной модальности, где форма предложения передает лишь «модальное отношение вообще» (*Я тебе говорю, что хочу, чтобы ты пошел*).

Выбор синтаксического наклонения или формы эксплицитной модальности зависит от определенных условий.

Для большинства субъективно-оценочных модальных отношений конструкция эксплицитной модальности является во всех европейских языках наиболее распространенной экспрессивно-нейтральной формой выражения: *я хочу, чтобы...; я надеюсь, что; я думаю что; я сомневаюсь, что* и т. п. Синтаксические наклонения субъективной оценки употребляются в следующих случаях: 1) для передачи некоторых комбинаций элементарных модальных смыслов, осложненных добавочной экспрессивной (аффективной) нагрузкой: *Ах, если бы он пришел!, Пусть он придет, Хоть бы он не пришел* и т. п., 2) для передачи смысла «желательного предположения» (гипотезы), отнесенного к условно-следственному денотату: *Если бы он пришел, мы бы пошли в кино*; 3) для передачи уверенного знания (оценки факта как реального): *Он пришел, Он придет, Он приходит*.

В последнем случае конструкция эксплицитной модальности выступает как позиционный вариант синтаксического индикатива, обусловленный, во-первых, несовпадением временного плана модальной оценки с моментом речи, или субъекта модуса с говорящим (*Он пришел; Я знал, что он пришел; Она знает, что он пришел*), и, во-вторых, специальным подчеркиванием содержательной стороны модальной оценки (*Он пришел — Я знаю, что он пришел!*).

Для коммуникативных модальных отношений, осложненных активным смыслом «говорения», синтаксические наклонения: «повествовательное» (с различным модальным содержанием), «вопросительное» и «побудительное» — являются наиболее распространенными формами при совпадении субъекта модуса с говорящим и временного плана модального отношения с моментом речи. При изменении этих условий, синтаксическое наклонение уступает место «косвенной речи»: (*Он болен? — Ты спрашива-*

²⁶ Вводные модальные слова представляют собой, по-видимому, вариант эксплицитного модуса.

ешь, болен ли он; Я спросил, болен ли он). Кроме того, эксплицитный модус «говорения» появляется при нарочитом выделении этого смысла, например, при подчеркнутом утверждении собственного мнения: «Disse soltanto: „Allora ti ammazzo“. E io: «Provaci... io ti dico che non ammazzi nessuno» (Moravia. Расс. rom „Fanatico“, р. 24)²⁷. — «Тогда он сказал: „Я тебя убью“. Я же в ответ: „Попробуй... А я тебе говорю, что ты никого не убьешь“».

Как известно, при «переводе прямой речи в косвенную» многие модально-экспрессивные оттенки, заложенные в форме предложения, теряются, так как эксплицитный модус способен передавать лишь понятийное (денотативное) содержание модального отношения (частично эта утрата возмещается в формах так называемой «несобственно прямой речи»).

Модальный смысл, выраженный самостоятельной лексемой, становится таким образом полноправным элементом денотативного содержания предложения. Форма же конструкции эксплицитной модальности, освобожденная от конкретной модальной нагрузки, передает лишь «модальное отношение как таковое» и подключается к «нулевому» коммуникативному наклонению «сообщения».

Итак, модальная характеристика предложения складывается из двух типов отношений говорящего к своей речи: субъективно-оценочного и коммуникативного; оба эти отношения могут получать как эксплицитное, так и имплицитное (чисто грамматическое) выражение.

²⁷ А. Moravia, Racconti romani, Mosca, 1969.